

На даче ни глады, ни мора,
в июле светло и тепло,
танцует комар Карамора,
бьёт длинною ножкой в стекло.

Но грусть наступает иль вечер,
и тут уж пляши, не пляши –
стекают оплывшие свечи
на дно потемневшей души.

Хоть светят глазища фиалки
лучом розоватым всю ночь,
когда повезут в катафалке,
мне свет их не сможет помочь.

Лишь бог комаров Карамора
мне встретится в царстве теней...
Порхает во тьме коридора
душа. Я гоняюсь за ней.

ШАХМАТНОЕ ВИДЕНИЕ НА БЕРЕГУ ЧЕРНОГО МОРЯ

Вот вписана огромная доска
в песчаный берег с галькой и костями.
Король – ферзь: «Веди на бой войска,
пусть алыча (е2) дрожит ветвями!»

Любимая, вот белая ладья,
а я – внутри, как скрытая фигура,
и жизнь моя – *дебют* и квадратура...

Вот чёрная ладья, как попадья.

И я хожу то вдоль, то поперёк
по минным клеткам, я – прямолинейный;
а солнце, словно красный уголёк,
летит в пучину авиалинейно
и греет море где-то там, на дне...

Я – в белой башне, ты – ныряешь в воду.

Любимая, с тобой наедине
я обрету солёную свободу,
когда я *эндшпиль*... тьфу, в тылу врага
я захвачу коня, продукты, базу

(в сутане чёрной старая карга
не попадёт косою по мне ни разу).

Захлопну доску. Знай, что будет так:
покину башню, выйду из квадрата...
С борта ладьи я выкину пятак,
два пятака, не скрывших глаз солдата.

Поймаю сон, зажму в кулак
и через речку брошу –
Бубнил на паперти дурак,
сняв с головы калошу.

Глядел на мелочь, будто царь,
и радовался свету,
Струилась огненная варь
с небес по силуэту...

Ох, плавил воск родной народ,
лез с поцелуем в доску.
Дурак крестил открытый рот;
язык – как красный лоскут.

Сквозил засаленный армяк,
и, сидя в талой каше,
Он кашлял – валенок размяк,
светило солнце *краше*.

Блеснул на колокольне крест,
и сердце отгорело ало...
Меж жёлтых луковиц, окрест
плыло сияние. Пылало.

ЗВЕЗДНАЯ АЛЛЕЯ

«*Выхожу один я на дорогу...*» –
мне бы так до срока написать,
помня, что кладбищенские дроги
в даль Возничий будет запрягать.

«*В небесах торжественно и чудно*» –
Лермонтов на склоне Машука
целит в высь, но в бок ему – прилюдно –
пустит пулю потная рука.

«*Уж не жду от жизни ничего я*» –
шепчет рот, задвинута кровать,
ведь поэты, гибнущие стоя,
в глубь веков врастают буквой «ять».

«*Но не тем холодным сном могилы*»...
дремлет мамонт в вечной глыбе льда;
светят мне таинственные силы,
бытие прогревшие до дна.

«*Чтоб всю ночь, весь день мой слух лелея*»,
пела Дева в сумрачном саду,
чтоб лежала Лира на аллее
и плескались Рыбы в том пруду.

А.З.